

Хотя описанное – на девяносто процентов правда, в текст целенаправленно внесены неточности и даже, в силу ряда необсуждаемых причин, – ошибки. Надеюсь, опытные люди меня поймут. Автор также постарался сохранить мелодику и ритмику языка героев очерка. Эти люди не говорят цветастыми длинными фразами, речь их немногословна и точна, как приказы на поле боя.

Я. К.

По откосам и кремлю, старым купеческим улицам и новостройкам, промзонам и музеям Нижнего Новгорода вот уже почти полста лет гулял одетый в военизированные обноски не первой свежести, похожий на колобка и перекасти-поле, человек с много раз перебитым носом, худым счастливым лицом и светящимися правдой глазами. Порою он надолго пропадал: иногда на месяцы, иногда на год-два. Возвращался воодушевлённый и наполненный новой внутренней силой, которой, казалось, не было преград. Походка вперевалочку выдавала его абсолютно свободный статус художника жизни. То носил он милицейскую форму, то «зелёнку» с диковинными шевронами, то казачьи лампасы. Многие представители закона здоровались с ним тепло и уважительно. Часто он шёл окружённый молодыми людьми в похожей одежде, глядевшими ему в рот с восхищением и обожанием.

Времена диктуют не только нравы, моды, философствования и технические средства. Времена выбирают своих святых, мучеников и победителей.

Юра Евстигнеев, а описываем мы именно его, – пассионарий и юродивый нашего времени.

Юра умел драться, и дрался он гениально. Кличку-позывной он заработал себе – Терминатор. А еще, вследствие своей пассионарности, он умел быстро и просто научить драться большинство российских мужиков. В этом он был непревзойдённый художник и поэт. Пользовались его даром и милиция, и спецподразделения. «Даром» – является главным и ключевым словом, потому, что Юра был бессребреником, и платили ему всегда гроши.

Как-то Юра с полгода участвовал в чеченской военной кампании.

– Ну и как, заработал что-нибудь? – спросил я его.

– Да ты что! Ещё и должен остался.

– За что? – не выдержал я.

– Ну как? Я же там ел, мне форму выдали.

– Чего же ты туда ездил? – попросту спросил я у него.

– Ты не представляешь! – пафосно провозгласил он. – Артиллерия за нас! Авиация за нас! Воюй – не хочу! А пусть все знают: нас трогать – себе дороже!

Ещё только вернувшись после военных событий в Карабахе, Юра пошёл работать в милицию и совершил там необычный поступок. Он застрелил двух воров. Как на поле боя, вызвал их на перестрелку и убил. Стрелял Евстигнеев очень хорошо. Формально он защищался, но начальство в ужасе поняло, что такими темпами он лишит их работы. Больше его из дежурки РОВД не выпускали, но и тут он ухитрился проводить воспитательную работу.

О том, как Терминатор дрался, рассказывает один случай. Казаки всегда подрабатывали охранниками. Так они охраняли в девяностые областную больницу им. Семашко. И вот в Юрину смену шестеро гопников, а они были крепкими ребятами, решили нагрубить медсестре приёмного покоя. Из каптёрки вылетел ликующий Терминатор с напарником. И хотя напарник отстал лишь на несколько шагов, к его прибытию все шестеро хулиганов в разных нелепых позах ползали по полу.

У Терминатора были удивительные ученички. Из них наиболее ярко мне вспоминается парочка богатырей, которые, следуя традиции, имели позывные Дракула и Питбуль.

Дракула был темноволосым красавцем, с крупным носом и подбородком, его мускулатура, при идеальной гармоничности, была мощна, как у греческого бога. Питбуль – веснушчатый, курносый, белобрысый силач, имел форму шара. Этот чугунный шар подминал и втапывал в землю на полметра всё. Чтобы уточнить их физическую форму, стоит вспомнить, что Питбуль, при весе в сто пятьдесят килограмм, мог стоять в кибя-дачи (статичная боевая стойка «всадника») много часов. Руки, ноги и корпус он набивал ломом, им же фланкировал, укрепляя запястья и кисти. Он разгонял у Вечного огня в День десантника хулиганивших и подвыпивших ветеранов военной службы. Его смерть в числе многих подозрительных смертей в казачестве. Погиб он странно – угорел на квартире приятеля вместе с самим хозяином, жившим в этом доме многие годы.

* * *

За долгое время своей незаметной службы Родине Евстигнеев завел себе не только толпы друзей, но и кучу болезней. Он весил около

ста пятидесяти килограмм. При этом неплохо бегал кросс. Но ноги не вечны – стали отказывать вены, а именно клапаны вен. Юра оперировался, снова уезжал на очередную войну, снова оперировался. В конце концов он заплатил за бариатрическую операцию на желудке. Сделали шунтирование желудка, и теперь часть пищи шла напрямую, и Юра сильно похудел. Однако ноги и позвоночник были всё равно изношены. Но парадокс состоял в том, что жить, не защищая Родину, он как православный и патриот не мог. Не мог физически.

Юра понимал, что с такими ногами в разведку ему уже нельзя. Решил положиться на судьбу – куда Бог пошлёт, туда и пойду.

Шестого июля 2022 года Юра от Автозаводского военкомата в числе добровольцев приехал на автобусе в Новополино (поворот шоссе на Пулино). С трёх сторон территория была огорожена новеньким забором, с четвёртой забора не было совсем. Можно было пройти через КПП, а можно просто обойти. Кстати, за водкой именно так и ходили.

В Новополино был военный городок: пятиэтажки, выкрашенные в светло бежевый цвет. Штаб – обшарпанный, зато казармы – шикарные. Кубрик – от 8 до 12 человек. Выходишь из комнаты, тут же – туалет, тут же – душ, сушилка и кладовая. Территория вытоптана. Везде пыль.

Экипировали Юру очень богато. В три огромных баула вошли: спальный мешок, бельё, куртки, свитеры, тёплые и простые штаны, ботинки, плащ-палатки. Даже очень приличный нож.

В Пулино из кормёжки было: 2 вида первого блюда (например, борщ и харчо, или солянка), три вида второго (котлета, тушёная курица и шницель) и три вида гарнира (картошка-пюре, рис, гречка или макароны). А отдельно лежат солёности (солёные кабачки, солёные помидоры – в палец толщиной, нарезанное прессованное мясо – с ладонь, помидорный салат, винегрет, огурцы). Юра, когда в первый раз зашёл, пожадничал, – даже не мог всего съесть.

В Новополино же давали маленькую пластиковую тарелочку макарон с отдельными волокнами мяса (солдаты смеялись, что волокна мяса нужно сдавать обратно в столовую), вместо масла – спред (искусственные трансжиры), хлеб. Печенье, конфеты к чаю, компоту – в любое время дня. Никаких салатов, это всё – в Пулино.

В общем, еды, конечно, хватало. Правда, однажды макароны дали с битым стеклом: разбили банку и поленились доставать её осколки.

На второй же день бросили на стрельбище, пешком. В один конец дорога – 15 километров. Туда – 15, обратно – 15. Два раза сходили – две трети личного состава стёрли ноги. Мужикам это не понравилось. Начали ходить в тапочках, кедах, лыжах, босиком, в сланцах. Приехали представители части, начали грубить (а среди призывавшихся и добровольцев – взрослые мужчины, начальники цехов, они сами кого хочешь застроят). Короче, застроили приехавших, как-то отбились.

Приехал замполит по фамилии Пивов, невысокий, мягкий, кругленький, приятный. Юре не понравилось, как на замполита матом ругался при всех его непосредственный начальник – командир дивизии, высокий, плечистый красавец с роскошными усами. Впечатление, что пытался оскорбить лично. Пивов потел, но молчал.

Юра помнил, как к ним выходил ротный и с вежливой улыбкой на лице говорил: «Господин офицер! У меня к вам вопрос. Прошу ко мне

зайти. Сейчас мы с вами погутарим». И уже после, при закрытых дверях, начиналось воспитание. Не при личном составе.

А у нынешних «вояк» грубость была в порядке вещей. Субординация и штабная культура явно страдали.

* * *

В Новополино к тому же воровали. Это понимание приходило ещё в столовой. Заместитель командира по материально-техническому снабжению – маленький, кругленький, лысенький, борзый. Вор редкостный, но ничего не докажешь, профи высший класс. Он отвечал за организацию караула, постов в парке вооружения. Как-то Юру назначили в наряд дневальным. Смена начиналась в восемнадцать ноль-ноль, сообщили в двадцать один ноль-ноль. Идти – километра полтора-два по прямой, по дороге – целых семь. Дошли засветло. На точке стоят около десятка гусеничных боевых машин пехоты БМП-2, но модифицированные, навороченные, по паре-тройке раций, паре-тройке установок для радиоэлектронной борьбы (РЭБ). Охраны нет. Рядом часть, но до неё – метров восемьсот. Пришли, отдежурили сутки, – смены нет. Вот такая организация, такой «зампотех».

* * *

Как-то в казарму зашёл старший сержант из контрактников.

– Кто у нас Евстигнеев?

– Я.

– Я слышал, что вы воевали?

– Да.

– Где воевали?

– Карабах, Приднестровье, две Чечни, Донбасс. Вот документы. – У Юры всё было запротоколировано.

– Юрий Евгеньевич! Как вы смотрите, чтобы пойти сапёром?

– В принципе, хотел в пехоту, но сапёром даже интереснее, всё-таки на порядок ближе к спецназу, чем пехота.

– Условие: вы пойдёте командиром взвода.

В первый раз Юру привели к командиру части. Тот уже задал более крутой вопрос.

– Командиром роты пойдёшь?

– Какой роты?

– Сапёрной.

Капитан отправил представление.

С представлением Юра, вероятно, по здоровью не прошёл. Капитан так и сказал:

– Кинули. Ты мне по душе, но не срослось.

– А почему?

– Не знаю. Не моя тема.

Ну, по крайней мере, честно.

* * *

Собрались. Переехали в учебку, аж за Рысково. С подразделением Евстигнеева в учебку приехали ещё два сапёрных батальона, оба из Бурятии. Приехали туда – всех тянут на центр.

Полковник Питерский, «зам Бога по сапёрной работе», знаком с Конторовичем Александром Сергеевичем. Низенький, старенький, стройненький, в очках, седые усы.

И сын у него такой же маленький. По сапёрному делу оба – монстры. Сын в конце организовал учебный заход на партизанский лагерь: устроил минное поле; даже наученный Юра на его mine «подорвался». Учил, как из обычных мин сделать летающие: идёшь по дороге, а мина в пятидесяти метрах от тебя срабатывает, вылетает и взрывается над дорогой. А в конце он заложил прямо под воротами противопехотную мину нажимную (ПМН).

Как-то Юра вышел во двор. На бревне сидел мужик. По пояс голый, здоровенный. Полковник Муромцев.

Юра пожаловался на незнание офицерами тактики. Например, уличного боя.

– А ты что, специалист? – спросил здоровенный.

– Да уж не институтка, – хмыкнул Юра, и тут его понесло. – Заход в город – это как заход в горы. Когда заходят в город, нужен концентрированный огонь по всем огневым точкам. Но по очереди. Стоит дом, в нём три-пять этажей полностью забиты огневыми точками, на разных этажах от пяти до двадцати огневых точек. Предположим, огонь из дома ведётся из разных окон по разным секторам. Первыми выбиваются огневые точки, обрабатывающие именно конкретный сектор. Потом огонь переносится на следующие точки, работающие по другим секторам.

Туда бьёт три-пять танков, шесть-восемь артустановок. Пять-шесть «савушек». Туда уже соваться бояться. А другую сторону дома ещё и «грады» обрабатывают. Противотанковые управляемые ракеты (ПТУР) их бьют снарядами: от кумулятивных до термобарических.

Один дом так отработали, – перешли на другой. Если точка «ожилла» – снова все скопом в один момент бьют по ней. Так заходят и в город, и в горы.

– А как мы будем этот город оборонять? – спросил полковник.

– Первое, нужно чтобы туда не прошли танки, а если прошли, то пожалели. Распределяем противотанковые заграждения – «звёздочки», или их ещё называют «ежи» (объёмные шестиконечные кресты в виде буквы «Ж»). У танка есть ребро наклона. «Звёздочка» должна быть ниже этого ребра, но выше клиренса, тогда его разворачивает или просто проламывает даже дно. И никуда он с ежа не денется. Как на якорь встал. А если его разворачивает, так это ж просто мечта какая-то. Идеальная мишень. Тот же «Леопард» – у него лобовая броня бешеная, около 1200 мм, а бортовая броня не защищает даже от 30-миллиметровой пушки. Особенно задняя часть башни уязвима и две трети корпуса задней части. Броня, как у бронетранспортера, уязвима. А там боеукладка. А ещё используют дроны типа «Ланцет» и «Герань». Но «Герань» выпускаются целым роем, по семь-восемь. Причем летит он от Донбасса и до Львова. «Ланцет» несёт 20–25 кг взрывчатки, бьёт в движении одной ракетой в одну технику. Он работает от 5000 метров.

Муромцев оказался из инспекторской группы «Инженерный поиск России». Он вывел Евстигнеева на полковника Романа Евгеньевича Чирова.

– Тебя как зовут?

– Юра.

– А зачем это тебе, Юра? – спросил Чиров.

– Что зачем?

– На войну тебе зачем?

– Как зачем? Привычка. Я всю жизнь на войне. У меня казачий род.

– Понятно... – полковник сказал это так, как будто слова о казачестве сразу всё объясняли.

– Ты извини, на занятия ты больше не пойдёшь. Будешь сам учить.

– Но минно-взрывное дело хотелось бы освоить.

– Хорошо. Это посещать будешь.

Так Терминатор освоил минно-взрывное дело. По минированию знания оказались обширными, по разминированию – посредственные, не хватило времени.

Пока Юра был в учебке снова преподавателем, его два раза пробовали представить к офицерскому званию. И хотя всё командование полка было за решение этого вопроса, все же не прокатило, звание не дали.

После учебки Юру вернули в прежнее расположение, а там на него повесили «нарушение субординации»:

– Ты перепрыгнул через голову начальства!

* * *

Дальше в конце сентября через Таганрог попали на Украину.

Еще на станции зашли в кафе. Взяли по порции борща. Спутники Юры дёрнулись заказать второе. Евстигнеев уговорил их не торопиться: «Сначала съешьте, потом закажете, если сумеете». Густого ароматнейшего борща принесли такую порцию, что её одну доесть надо было ещё постараться. Запах чудный. Цвет самоцветов. Мясо не свинина, но в бульоне маленькие кусочки салыца плавают. Конечно, с одного борща все наелись. А что вы хотите – юг России.

В лесополосе раздали патроны. Юре очень не понравился автомат АК-12. Собирать его гораздо дольше.

Дальше посадили в автобусы. Сказали, чтобы вещи с собой не брали – их доставят отдельно.

Минуточку! Это Юра уже проходил. Он наваливает себе на спину три своих безразмерных мешка и садится в транспорт.

Как выяснилось, он был прав. Машины отстали, спальников ни у кого нет. Используя свои дополнительные бушлаты, Терминатор как минимум взвод уложил спать. Устроились в одноэтажном саманном домике в две комнаты. Саман – кирпич из глины с добавлением соломы. Здесь, на юге, домов из такого кирпича много. Поскольку Юра негласно был командиром, то проверил личный состав.

Вот там Юра впервые и увидел, как ракета бьёт беспилотник «Байрактар». Зрелище его впечатлило и порадовало.

* * *

Пока личный состав отдыхал, Юра начал вспоминать свои прошлые приключения на Донбассе. Воспоминания накатывали не подряд, а фрагментарно, цепляясь не за время, а за похожесть сюжетов и яркие фигуры людей.

Вспомнилось, как, сбежав из госпиталя после контузии, он в очередной раз попал в переделку. Евстигнеев прибил к какой-то части.

– Ну куда тебя можем назначить? Вот командовать ПТУР. Только командир у них уже есть, и неплохой. Доброволец из России.

– Раз есть, то и не о чем говорить, – буркнул Юра.

– Ну тогда вторым номером на пулемёт, на «Корд» (российский крупнокалиберный пулемёт с ленточным питанием).

Юра согласился.

Со стороны Песок перед блокпостом ушли в сторону. И напоролись на колонну укропов. Длинная колонна техники. Только танков около двадцати штук. Сбоку стояла пятиэтажка. Спрятались за неё. Из-за пятиэтажки вышел танк.

С пикапа пулемёт бил точно и передвигался шустро. Команда прикрывала пулемётчика с позывным «Рома Танк», почти двухметрового дядю, специалиста по сжиганию танков.

Бойца послали в лесополосу по ходу движения с РПГ-18 «Муха» (реактивная противотанковая граната).

Танк выдвинулся, и ему зарядили из пулемёта в заднюю звёздочку, толкающую гусеницы. Крупнокалиберные патроны из КОРДа порвали звёздочку в клочья. Гусеница сползла. Танк повернул башню и навёл дуло на пикап.

«Пожил, и будет», – подумал Юра о себе в это мгновение.

Из лесополосы по колонне ударила «Муха». И вся колонна жажнула по лесополосе. В падающее дерево попадало несколько снарядов. Там царил ад.

Рома перенёс огонь на техническое отверстие в середине танка. В этом месте под бронёй была карусель, подающая снаряды. Сдетонировал боекомплект, и танк был выжжен изнутри в одно мгновение. Башня ушла вверх метров на сто. Продолжения пикап ждать не стал и рванул вбок.

Колонна с полминуты постояла и ушла обратно в Укропию. Потом эту колонну накрыли «Грады». Никого не осталось.

Как выжил боец с позывным «Тетерев», бивший из лесополосы из «Мухи», никто понять не мог. Когда его спросили, он всерьёз ответил:

– Вот как Астерикс и Обеликс бегают, только быстрее.

Поехали в Дмитровку. Ехали на фургоне типа «Хлеб». Юра в кабине вместе с водителем. По ходу движения русский и украинский танки затеяли дуэль, метров с трёхсот. Первый выстрел – и оба промазали.

Из машины служивые посыпались как картошка.

Вторые выстрелы – танки тоже промазали. С трёхсот метров!!!

Между танками шёл дед. Просто так, с авоськой, может, в магазин. Под выстрелами дед не дрогнул. Он Великую Отечественную войну прошёл. Ему по фигуре. Юра подумал, что танкисты из-за него и мазали.

В результате наш танк всё-таки выиграл, поджёг укропа и уехал. Все опять погрузились в фургон.

Доехали до Димбровки.

Снова неразбериха. Подразделение уехало, и остались вдвоём Юра и его старый знакомец и ученик «Заяц». «Заяц» уверен, он с любимым командиром, с которым прошёл в прошлый раз Крым и Рим. Легли спокойно «ждать у моря погоды». Вдруг пришло сообщение, что укропы прорвали фронт и с большими танковыми силами прут сюда.

Хозяйственный Юра припас 2 РПГ-26, которые 600 миллиметров брони жгут. Юра решил дожидаться укропов и вооружение использовать, а после уйти в леса, благо граница России была недалеко.

Вдруг останавливается машина, выходит сам «Рязань» – удивительно способный и везучий командир, с которым Юра прошёл не одно сражение.

– Вы чего здесь делаете? А ну, поехали со мной! – таким командирам, как «Рязань», лучше не перечить.

Приехали обратно в Дмитровку, а там личный состав. А у рязанских бойцов Евстигнеев был в авторитете после того, как с двумя пистолетами натворил дел.

Авторитет у Юры был серьёзный. Мало того что он выжил в тылу у укропов, когда его забыли на посту и уехали, изведя боекомплект миномётов, мало того что он ездил на Донбасс из года в год, Юра ещё умел зачищать наиболее надоевшие блокпосты противника. Стрелял Евстигнеев с двух рук изумительно, но, кроме того, имел актёрский талант. На войне жалеть противника нельзя. Смекалка военной поры максимально жестока.

С его тогда еще отяжелевшей фигурой, с больными ногами, перемотанными всё время эластичными компрессионными бинтами, старческую походку Юра мог и не изображать. Худое лицо, перекошенное многими переломами носа, возраста не имело. Он отращивал хиленькую бородёнку, одевался, как бомж. Из штанины постоянно выбивался и волочился по земле бинт. Нещадно хромая, Юра без всякого грима изображал полубезумного старика. Так, задавая идиотские вопросы, он попадал на блокпост. В этот момент товарищи Юры начинали по ту сторону фронта шуметь. Укропы отвлекались, и от евстигнеевских пуль не уходил никто.

Юра тогда организовал для бойцов секцию по рукопашному бою и стрельбе с двух рук.

Шёл 2014 год. Под Дмитровкой укропы применили химию, но не учли, что подряд шли дожди. После этого ни из каких колодцев пить нельзя было – тут же диарея начиналась. И русские, и укропы попросту дристали, как на реактивной тяге.

Ещё один случай всплыл у Юры в памяти. Казаки, пять человек во главе с Юрой, шли возле опушки леса. Без всякого камуфляжа, в папахах – кубанках с красным верхом. Появились укропы. От казаков метрах в пятидесяти встают, начинают рыть лёжку под снайпера. Не маскируясь. То ли с похмелья, то ли как. Казаки залегли, подползли поближе. Навели автоматы по секторам. Укропы не реагируют. Сколько можно сидеть ждать! Юра кашлянул – реакции нет. Юра громко выругался.

– Э-эй! Трам, ти-ра-рам, – и далее нехорошими словами шесть этажей.

Укроп обернулся:

– Да пошёл ты!

Возникла немая сцена.

Тогда у Юры появился пистолет ПМ с глушителем.

Укропов приняли, привезли, попили с ними чайку. Оказались снайперы Кировоградского спецназа. Они начали рассказывать, что никогда из винтовок не стреляли. Винтовок не видели.

Потом приехали «смершевцы» и пленных забрали.

Сидение в окопах продолжалось. Химия действовала безотказно. Понос был у всех. Каждые двадцать метров были выкопаны отхожие ямы, а до них ещё добежать надо. Жара за сорок градусов. Вонь стояла невыносимая.

Привозили пятилитровые пластиковые бутылки с водой для питья, по две на бойца. Пока пили из бутылок, диарея отступала. Но сколько можно терпеть! Вода кончалась – снова пили местную...

Ночью случилось новое происшествие, развлёкшее личный состав. От позиций в сторону укропов шла лесополоса. Сначала её заминировали сами укры, затем наши, затем с российской территории зашли сапёры-суперпрофессионалы и заминировали третий раз. На каждом метре по две мины. По этой лесополосе идёт мужичок – пьяное чудо. Причем идёт, падает, поднимается и снова идёт. Дошёл до окопов. Два раза дали в рыло, оказалось, идёт с российской территории. Поссорился с женой, ушёл из дома. Пришёл за Родину воевать.

Дали ему самозарядный карабин Симонова (СКС), он его тут же, в первом бою, у укропов махнул, не глядя, на автомат, и жизнь наладилась.

С позициями Евстигнеева граничила полоса выжженной земли. Когда-то, ещё до приезда Юры, её организовала машина, которая везла боеприпас для «Градов». Одна машина прошла, а вторую укропы разбили.

По этой земле ползали три украинских танка Т-64, очень мешали. Они, кстати, и машину с «Градами» взорвали. Когда попыталась прорваться гражданская легковушка, «немцы», а так часто называют укропов, эту легковушку подожгли, прямо с женщинами и детьми.

Вообще то, что укропов постепенно стали называть просто немцами – показательно. Это прошла между нами граница. Они навсегда записаны в чужие. Ведь слово «немец» означает, что человек не знает русского языка. Оно сначала и произносилось с ударением на второй слог. Немéц! Человек нем! К немцам относились и англичане, и голландцы, и испанцы. Украинцы отказались от русского языка и стали немцами. А немцы – враги! Их надо просто бить!

Приехали молодые бойцы, почти пацаны, с компьютером. Юра прикололся: «Во что будете играть?»

– Да, поиграем, – ответили они.

Связались то ли с беспилотником, то ли со спутником – прилетело три снаряда «Краснополь» 152-х миллиметровых. Трёх украинских танков не стало. Пустячок, а приятно!

Дальше «Рязань» уехал и что-то славное натворил, рассказывали, на другом участке фронта. Юру поставили старшим оставшейся на передовой группы. С 5 по 9 августа пошла реальная атака укропов. Подразделение Евстигнеева сожгло три танка и уничтожило 38 укропов и ни одного бойца не потеряло.

На линии соприкосновения всё заросло акацией, иголки в палец толщиной. Только в трёх местах оставили проходы. Пулемётики долбят со стороны, а весь личный состав с гранатомётами эрпэгэшками встали в трёх местах. Шаг – делается выстрел, сработавший отпрыгивает в сторону, на его место становится другой! Некоторое время укропы в сторону Юры дышать боялись. «Рязань» потом звонил, рассказывал, что, по переговорам укропов по рациям, на месте Евстигнеева стояли суперпрофессионалы! Зарядка РПГ 3–7 секунд. С кем вы связались? Рязанская десантно-штурмовая бригада (ДШБ).

Местность возле Дмитровки была своеобразная. Степь, поля нарезаны квадратами, между ними лесополосы метров сто – сто пятьдесят шириной. Некоторые поуже – метров пятьдесят. Высажены лесопосадки ещё при Сталине. Их очень берегли, ухаживали за ними.

По такой лесополосе ночью Юра 19 августа вел свою группу в разведку. Вдруг у Юры сработала чуйка. Ночное виденье. Рассосались, приготовились. L-образная засада. В лоб поставили пулемёт. С семи

метров начали стрелять. Пятнадцать человек под пулемёт. Обыскали их. Негры, у каждого по пятнадцать – двадцать пять тысяч долларов. Так у диверсионно-разведывательной группы (ДРГ) «Рязань» появилось два тепловизора, причём доставили их из Киева сами укропы. Киев честно выполнил свои торговые обязательства.

Началось передвижение войск на Иловайск. Подразделение поставили на дорогах. Шла техника – «укропоуборочные комбайны». В те ночи Юру раз десять чуть не задавили. Слава богу, перевели на другое направление.

Интересно, что Саур-Могилу укропы не могли взять в течение месяца. Каждый день отчитывались, что она взята, теряли там кучу народа, и снова Саур-Могилы была наша. А дело было так. Постреляв и спровоцировав атаку, наши закрывались в мощном, ещё фашистском дзоте и вызывали огонь на себя. Набежавших укропов превращали в фарш, а наши снова вылезали и начинали стрелять. Взвод не могли взять бригадами.

* * *

У Юры есть друг Александр Сергеевич Конторович. Познакомились они на Донбассе в 2015 году. Александр Сергеевич, как его тезка Пушкин, писатель, причём чрезвычайно популярный. Он создал совершенно новое направление в приключенческой литературе. Это сочетание эффектности захватывающего сюжета и скрупулёзной профессиональной точности и глубины проработки материала.

Понимание того, какие отношения сложились между Александром Сергеевичем и Юрой, даёт возможность осознать, как устроен русский мир, как создана русская ментальность и духовность. Можно было бы описать эти отношения как взаимодействие учителя и ученика, и, безусловно, Конторович – это учитель учителей. Но Юра стал таким, какой он есть, задолго до их знакомства. Командир и подчинённый? Нет, тоже не то, хотя Конторович – явно ведущий. Два друга? Конечно! Но разница между ними столь велика, что это слишком бросается в глаза: Конторович – блистательно успешен, Юра – нищ, гол и бос. Конторович – сам создаёт удачу, Юра – неудачник во всём, что касается лично его и спаситель для других.

Кто более велик в истории России – архипастырь или юродивый, друг Ивана Грозного Филипп или Василий Блаженный?

Приходишь к тому, что это два взаимодополняющих примера безграничного служения Родине. Именно такие люди создают Россию и продляют её бесконечную жизнь.

Но это другой путь, это, я повторяю, путь противления злу насилем. Я всегда любил повторять: «Если ты умный, то должен быть сильным». Для многих это стало девизом.

Сейчас на Западе любят повторять, что Россия понимает только агрессивную силу, иными словами, только палку. Западные аналитики правы, русские слишком долго относятся к партнёрам по-доброму, дружески. Но если Россия поймет, что имеет дело с врагом, если ему удастся разъяснить ей это, она уничтожит его тут же.

Александр Сергеевич – профессионал в тех тонкостях военного искусства, которые описывает. Более того, некоторые эти технические и тактические находки сам и изобрёл. Им написанный роман становится учебником, а учебник – романом.

Александр Сергеевич – член совета по фантастике Союза писателей России, член Союза писателей ДНР, старший офицер (по понятным причинам мы не будем уточнять звание), участвовал в подготовке сотрудников центра специального назначения Абхазии, инструктор по оперативно-тактической, минно-взрывной, диверсионной и противодиверсионной деятельности батальона «Брянка», бригады «Призрак» ЛНР, автор 6 патентов (совместных) на изобретения устройств для предотвращения террористических актов.

Участвовал в войне в Абхазии, на Донбассе. В Чеченскую войну недолго служил в охране генерала А.И. Лебеда.

С 12 лет проходил подготовку в «Группе свободного поиска» Всесоюзного астрономо-геодезического общества. В 14 лет ходил на Эльбрус. Испытывали высокотехнологическую аппаратуру в тяжёлых климатических условиях, в условиях высокогорья.

А ещё Конторович окончил школу каскадёров Юрия Сальникова, первый выпуск... Учили прыгать в воду с 20-метровой высоты, стрелять из лука, арбалета, драться... Ну, много чему... Это была самая обширная подготовка каскадёров на тот момент.

Занимался много чем, например охраной спецпроездов и московских подземелий, в частности метрополитена. Был экспертом-криминалистом. Занимался судебной баллистикой, разработкой средств индивидуальной бронезащиты.

Окончил академию МВД. Там у Александра Сергеевича был необыкновенный преподаватель – Анатолий Николаевич Вакуловский, основоположник советской баллистики. Его практический опыт вообще ни с чем не сравним. Это был человек совершенно невероятной эрудиции. Вторым преподавателем был потрясающий специалист, мастер оперативной работы наивысшего класса Лев Давидович Гаухман. Его лекции на что угодно были похожи, только не на лекции. Он умел любой материал подать так, что он забивался в башку одним выстрелом – и оставался на всю жизнь. Колоссальный опыт оперативной работы, просто потрясающий! Александр Сергеевич вывел его в романах, как офицера немецкой разведки полковника Ланге. Его логика была безупречная, просто нерасшибаемая. Дальше Конторович, с подачи Вакуловского, стал работать криминалистом. Занимался научной деятельностью, которая в той или иной мере касалась служебной деятельности, иногда не касалась, выходила далеко за её пределы.

Далее работал в «Арли спецтехника», контора была аккредитована при всех наших силовых структурах. Арли – Аркадий Лившиц. По имени директора.

Занимались также разными делами. Разбирались в причинах различных взрывов, как криминальных, так и нет, – вплоть до самых невероятных. Взрыв элеватора в Орловской области – это был взрыв мучной пыли; плавильных печей в Воронеже – другая причина, в основе которого лежало элементарное несоблюдение правил техники безопасности. Ни разу не криминал, как это подавалось следствием с самого начала.

Там проработал до 2004 года. Официально ушёл в 2001-м, но сотрудничество продолжалось до 2004 года. Принимал участие в разработках, приезжал, когда это было нужно. Хотя уже не являлся официальным участником фирмы. Некоторые из тех разработок не превзойдены и сейчас. Патенты были зонтичные, закрывали всё в этой области.

Ничего нового в обход них придумать уже нельзя. Удалось вернуть к жизни оружие, забытое ныне, – арбалет. Александр Сергеевич на основе обыкновенного арбалета сделал устройство дистанционного разминирования «Блесна». Оно оказалось чрезвычайно эффективным и спасло немало жизней людям. Оно было немедленно принято на вооружение МВД и ряда спецподразделений, и используется по сей день. Умудрялись забрасывать с помощью него «кошку» и тралить проходы в минных полях. Сделали «кошку», которая проползает через забор из колючей проволоки и снимает 90% всех существующих растяжек. Устройство получило золотую медаль на Парижской выставке антитеррористического оборудования. Закинули её с помощью арбалета метров на 80 и протралили таким образом полосу для прохода. Разносили в ключья с помощью арбалета чемодан со взрывчаткой, причём детонатор не успевал сработать.

В своё время в Афганистане сбрасывали воду нашим бойцам, когда не было возможности посадить вертолёт. Наливали воду в пожарный шланг, завязывали концы и кидали его метров с двухсот. И он не рвался – он же очень прочный. А там воды солдатам литров 50–100. Подумали – а как это можно ещё использовать? Положили свёрнутый кольцом шланг вокруг артиллеристского снаряда, взорвали, и все осколки остались в воде. А взрывная волна ушла в небо. И это ещё один из патентов Конторовича. Укладывается кольцом шланг, снаряд 76 мм взрывается без вреда для окружающих. Никакого противоречия физике нет. Винтовочная пуля не пробивает метр воды. Когда вы устанавливаете пулеулавливатель, там полтора метра воды. И пуля их не пробивает, падает на дно. А это снаряд, осколки имеют другую форму, иную пробивную способность. Даже если они пробьют эти 20–30 сантиметров воды, никакого вреда они уже не принесут. Да, он может набить синяк, разбить стекло, слегка поранить – но не убить. Такие решения возникают на стыке изученных вещей и иной области. Использовали детонаторы для разрушения взрывоопасных предметов, не для взрыва, а чтобы они не взорвались. Сделали эту разработку, несмотря на то что это явление полностью противоречит всему, что преподавалось.

А далее дядю Сашу пригласили советником в Ассоциацию ветеранов спецподразделения «Альфа», в одно из структурных подразделений, там проработал почти десять лет. И начались поездки в ту же Абхазию... Приходилось и с автоматом бегать, и мины искать.

В жилой казарме, из здания в здание проходили просто через дыры в стенах.

Очень интересная страна. К сожалению, там погибло несколько наших инструкторов.

Получилось так, что погиб полковник Нерсисян «Нерс» (который чувствовал свою смерть – почти мистическая история), и стрелявший в него едва не убил, чуть ли не тем же выстрелом, министра внутренних дел Абхазии. После подобных событий Конторовича стали использовать только как инструктора, категорически запретив даже нос совать в какие-то конкретные мероприятия. Боялись потерять.

А дальше был Донбасс.

Александр Сергеевич приехал туда в 2014 году. Привезли гуманитарную помощь. На глазах люди умирали от голода... Это было довольно жуткое зрелище... Тогда же, в этот же приезд, с тамошним комбатом Конторович принялся учить людей, как им не погибать.

Там были молодые мальчишки, они не воспринимали войну всерьёз. Александр Сергеевич прекрасно понимал, что как только они выйдут на поле боя, там они почти все и останутся. Конторович был там с товарищем, таким же храбрецом, с Андреем Шумским (который был известен в России по прозвищу Даста Миллер). У Алистера Маклина есть такой герой романа Даста Миллер – сапёр-подрывник (от слова «дасти» – пыльный). Там он был известен под позывным Контур. Это специальная инженерная группа «Контур», где он в тот момент состоял.

Вместе с ним начали учить людей, чего не надо делать. То есть сюда не лезть, этого не трогать, за это не дёргать. Людям не свойственно думать о многом, что обезопасит их.

Александр Сергеевич наблюдал такую картину: в городе работает снайпер, сидит, стреляет по нашим позициям. Звонок. Наш связист, талантливый, умный парень – ему что-то нужно было наладить, – собирает рюкзак и направляется к двери. Его дёргают назад: «Ты куда?» И он на голубом глазу, отвечает: «Да всё нормально! Я сохранился». Чего-чего, что ты сделал?! Родной, это не игра! Ты что, совсем... Балда съехала в никуда?!

То есть уровень дилетантизма, причём и с той и с другой стороны, зашкаливал...

Было фантастическое зрелище, когда очень хорошо экипированная группа добровольцев приехала воевать, причём с хорошим снаряжением. Они выбежали в зону боя и спрятались за железным заборчиком. Потому что пластиковыми шариками из страйкбола заборчик не пробивают. Они привыкли, что шарик не пробивает забор, а то, что против них стоит пулемёт, который этот забор прошьёт вместе с ними пять раз, они не сообразили... Пришлось бахнуть по забору, чтобы пробить в нём дыру, и народ только тогда залёг. Ведь доходило и до такого... Причём с обеих сторон – и там и здесь. Александру Сергеевичу пришлось вспомнить всё, чему учили. И через его руки прошло более четырёхсот человек. И ни один из них не погиб по сей день.

Однажды к Конторовичу пришла делегация:

– У нас повадился летать квадрокоптер.

– Он что-то разведывает?

– Нет, он просто пролетает и через минуту летит назад. Ну, типа не мешает, да и фиг с ним.

– Ребята, подумайте! Перед вами город, на окраине которого идет война. Людям делать нечего, кроме того как квадрокоптер по одному и тому же маршруту гонять? Или есть какие-то другие задачи? Раз они делают это, значит, кому-то зачем-то это надо. Дайте бинокль.

Начали осматривать маршрут, где эта собака летала. И Александр Сергеевич нашёл некий охраняемый дом, там есть проходная, ворота, через которые заезжают машины, и всё это накрыто козырьком. А на козырьке сложен тротил!!! Кучка такая лежит... Квадрокоптер просто возил туда взрывчатку. Прилетал, отцеплял её и улетал. Александр Сергеевич подозвал начальника охраны и сказал ему:

– Вот видишь?! Твои действия?

– Мы его собьём.

– Зачем? А проследить, кто его запускает? Он же не может сам лететь. Вы поймите этого человека. Спросите, зачем он это делал. Кого он хотел убить? Как он вообще понял, что надо сюда лететь, а не куда-то ещё?

– А, да, мы всё поняли!

На следующий день появляется квадрокоптер, охрана дружно залпом его сбивает, и всё...

Первая книга Конторовича вышла в 2010 году. По-настоящему, первая книга была написана очень давно, но она содержала некоторые специфические моменты, в силу которых напечатана быть не могла. Как Александру Сергеевичу сказали: «Ты столько не отсидишь...» А тогда Артём Рыбаков начал писать свою первую книгу из сериала «Переиграть войну». Он писал её о совершенно реальных людях, он описал всю группу Конторовича. Группа называется «Лесные коты», и он перекинул всех в 1941 год в Белоруссию.

Он сказал Александру Сергеевичу: приходи, я на форуме выкладываю свои книги, напиши свои комментарии.

Александр Сергеевич пришёл, почитал, написал комментарий... и получилось, что помог в написании 6 глав в книге. Чего совершенно делать не собирался.

И дернул же Александра Сергеевича черт написать – мол, некоторые вещи, очевидцами которых мы являемся, означают на самом деле нечто иное. Что – мы понимаем лишь спустя много времени, и по самым незначительным деталям. Народ зацепился – обоснуй!

Пришлось кардинально перерабатывать всю книгу, менять имена, места действия – и уже в таком виде выкладывать.

И когда Александр Сергеевич выложил последнюю главу уже своей книги, через 7 дней ему позвонил главный редактор издательства «Яуза». Мол, мы хотим вас издать! Издали...

Думал – всё, на этом и конец. А потом люди потребовали продолжения.

Александр Сергеевич во всех своих книгах пытался донести главную мысль. Вот ты стоишь здесь и сейчас, перед тобой враг, и не появится бронетранспортёр и не прикроет тебя пулемётным огнём, никого нет, есть только ты один и только здесь. И от того, как ты сейчас поступишь, зависит то, что будет или не будет дальше. И ты не имеешь права уйти с этого места и отойти в сторону...

У Александра Сергеевича была примета такая – он вешал стакан на дерево... Народ видит стакан... И всё – никакими пинками туда их не загнать... Потому что люди понимали, что не будет того, что написано в воинском уставе. Здесь будет то, с чем никогда не сталкивался, и если уж ты сюда попал, то тут навсегда и останешься. И это играло. В ряде случаев достаточно было стакан на дерево повесить – и люди просто туда не шли. Сапёрное дело, казалось, всё изучено давным-давно, всё известно хорошо. Но выяснилось, что не всё. Можно повернуть даже такой прекрасно изученный предмет под таким углом, до которого трудно додуматься. Задача не стоит убить как можно больше людей, задача стоит, чтобы они сюда не полезли. Она решаема.

* * *

Во многие поездки Конторович и Евстигнеев стали ездить вместе. Александр Сергеевич учил тактике и взрывному делу, а Терминатор – рукопашке и стрельбе. В конце концов Юра стал у Конторовича кем-то вроде Санчо Пансы.

Как-то Александру Сергеевичу из Абхазии прислали огромную бутылку чудного вина. На денёк приехал к нему в гости из Нижнего Новгорода

Юра Евстигнеев. Юра подружился с этой бутылкой и прожил в огромной квартире Конторовича безвыходно неделю.

Но были и абсолютно военные воспоминания. Авторитет растёт не на голом месте.

Однажды Александр Сергеевич с Юрой обучали подразделение, находящееся на самом передке. К позициям примыкала роща, в которую повадились бродить укропы. Беспокоящий огонь вбок очень надоел казакам.

– Александр Сергеевич! Дорогой, войди в положение. Мы рощу уже минировали, но эти гады мины чувят и обходят. Караулить их там – людей нет. Помогите! Заминируй по-своему! Скольких ребят уже потеряли!

Времени у Конторовича не было. Но через несколько дней он сходил в рощу.

– Скажете мне, когда укропы туда зайдут, – коротко сказал он.

Конторович применил какую-то систему вроде «Гроздей малины». Не буду перевирать название, да вам это и не нужно.

Александр Сергеевичу сообщили, когда в рощу зашли чуть более тридцати укропов. Никто из них не вернулся.

Я как-то спросил у талантливого писателя.

– Я всегда не очень хорошо понимал, как минировать, если человек уходит в неизвестном направлении; вот он уходит, за собой минировать, а другие попадают. Каким образом? Ведь лес большой, а они могут пойти другой дорогой...

– Возьмите мой роман «Черные бушлаты». Там как раз описана психология того, кто ставит мины. Почему он их ставит здесь, вот в этом месте, а не в другом. И в них попадают далеко не самые лохи, для которых потом абсолютная загадка, как это вообще происходит? Почему мы шли именно туда, а не в другую сторону? А мы пришли туда, куда нас привели. Значит, как итог, мы и должны были прийти туда, где мина стоит. Она одна на весь лес, мина, вот нас к ней и заманили. И я это делал, к ней и заманивал...

– А как?

– Очень просто. Эжен Франсуа Видок, создатель французской полиции Сюрте, многократно сидевший, неоднократно судимый уголовник. Великолепные слова у него: «Только преступник может поймать преступника». Это действительно так.

С корейцами, когда я их тренировал, был очень интересный такой момент. Они все мастера по борьбе и абсолютно все по таэквондо. Просто все, включая девчонок. Было 4 девчонки, 11 парней и 5 старших офицеров, до полковника включительно. Они сидели в классе вместе со всеми. Я им ставил также двойки, мог заставить отжиматься любого из них. И они всё это делали. Люди заточены под охрану. Насмерть заточены. Это их цель жизни – спасти. Я говорю, хорошо, выходим в спортивный зал. Ну, ты – вождь и учитель, а ты – начальник охраны. Ты берёшь себе из этой толпы кого хочешь в качестве охранника. Задача – защитить вождя и учителя от нападения террористов. Понял? Понял. Вокруг – толпа, стрелять нельзя, можно драться, не ограничиваю ни в чём. Бери. Он берёт двоих охранников. Спрашивает: «Кто будет террорист?» Я отвечаю: «Я буду террорист». По-корейски очень интересно звучит: «террабундара»... Он, значит, так: «Ага, тогда еще двоих». – «Ну что, хорошо. Можешь хоть всю толпу взять, вам это не сильно поможет... Вот у вас есть такой интересный обычай. Ваш вождь и учитель приезжает на митинг, из толпы выхо-

дит некий заранее отобранный человек и почтительно, двумя руками, с ним здоровается. Есть такое?» – «Да, конечно, есть». – «Великолепно. Вождь и учитель вперед, я с ним здороваюсь. Ваши действия?» Начальник охраны становится здесь, вождь и учитель со мной, а четверо охранников держат меня за плечи. Спрашиваю: «Я могу что-то сделать?» – «Нет, конечно». – «Почему?» – «А как?» – «Да вот так!»

Вождь и учитель падает с «разрубленным» горлом. Падают двое охранников, следующим падает начальник охраны. Четыре трупа в минус.

«Вас же убьют!» – «А тебя-то, – говорю, – каким образом это реабилитирует? Тебя расстреляют через 20 минут после меня. Ты не знаешь, кто здесь стоит. Ты не можешь этого знать! И никакое моё личное дело тебе не поможет. Я болен раком, мне жить осталось месяц, а мне вагон бабла притащили для семьи. У меня семью в заложники взяли, а ты ничего этого не знаешь. И тебя не должно это волновать в принципе. Ты не должен такого допустить. Всё. Не должен, и всё, хоть ты тресни». – «Давайте еще раз». – «Давайте». Становится – на этот раз пятеро «убитых».

– А как вы это сделали?

– Во-первых, никто из них не смог меня удержать. Я ушёл из захвата сразу же. Я срубил, как говорится, вождя и учителя вот, так ребром ладони, просто перерубил ему горло и так же ладонями прошёлся по горлу всех стоящих вокруг, уцелел тот, что стоял в стороне... Я до него просто не доставал. Ребята, поймите простую вещь. Диплом – конечно, здорово, только вы сюда не боретесь пришли. Вас пришли убивать. Тот, который пришел убить, не будет думать как борец. У него другой стиль мышления. Пока вы не будете думать, как убийца, вы никогда не сумеете его остановить. Он всегда будет на два шага впереди. Ты должен встать на его место и подумать: «Как я буду их убивать?» И когда ты будешь думать, как ты их будешь убивать, тогда ты и сможешь понять, как его можно остановить. А ты рассчитываешь, что с тобой будут бороться. Да не будут с тобой бороться... Здесь не спортзал! Тебя пришли убивать! Меняй мышление, думай как убийца. Думай как преследователь – и я буду знать, куда он придёт. Я оставлю ему след, по которому он пойдёт, потому что сделаю его видимым. Я пойду там, где он будет думать, что я должен пойти. И он придёт на эту мину, туда, где я её поставлю. Вот и всё.

– Здорово!

– Голова! Всё в голове. Когда всё объясняешь, люди говорят: как всё просто! Действительно, просто. Думать лишь надо.

– Это как Шерлок Холмс – каждый раз, когда рассказывал, всё оказывалось просто.

– Сколько ступенек на этой лестнице? Восемь, потому что я думал и замечал, а вы не думали. Вы просто бездумно по ней ходили. Всё правильно. Это ещё Конан Дойль написал. Я ничего не открыл. Всё открыто задолго до нас, только это почему-то не используется. И люди не хотят об этом думать, не хотят включать голову, не хотят соображать, где, почему, отчего? Лень. Клиповое мышление. На самом деле, любого человека, будь он хоть 52 раза клиповый, можно очень быстро поставить, в нормальное состояние привести. Он начнёт думать, включать голову... Человек всё-таки хорошо обучаемый субъект. Единственные, с кем бы я принципиально не стал работать, это всевозможные последователи всяких продвинутых течений. Бессмысленно. Абсолютно

неоправданный расход нервов, сил и прочего. Переубедить человека, который свято верит в то, что положенный на бок пистолет стреляет за угол?

Я спрашиваю его:

– Почему?

– Ну, пуля же вот так летит.

– Да.

– Ну, я вот так поверну пистолет, и она вот так полетит – за угол. Законы физики для него не значат ничего. У него есть святое внутреннее убеждение, что она вот так и полетит... Ну, и что с ним время терять. Пусть он стреляет за угол. Я посмотрю, что у него получится на практике... У нас, когда идёт обучение, говорят: «Что для этого нужно?» Да ничего не нужно. Какое-то специально оборудованное помещение? Зачем? Объясните мне, зачем? У тебя начнётся боевое столкновение, ты скажешь: «Я здесь не буду воевать. Вот это лишние шкафы, вот эти столы мешаются, а тот автомобиль стоит не на должном месте». Тебе специально площадку должны приготовить? Нет, ты будешь воевать там, где тебя застанут. Может быть абсолютно любое помещение: жилая комната, офисное помещение – всё, что хотите. У меня описан кусочек этого дела во второй книге в «Черной серии», в «Штрафниках». Когда человек там устраивает тренировку. Там описано чётко, как он думает. Весь ход мыслей прописан... Как он думает, что вот этот шкаф – его используют вот таким образом, или этот стол – вот таким образом... Всё подробнейшим образом расписано. Там есть один очень интересный, работающий приём, когда с ним академик устраивает полуфокус, полутренинг, дядька, в возрасте...

– Это когда трубку-то он берёт со стола и исчезает...

– Да. Это же работающие вещи... Прекрасно работают. И таких примеров... Это случай не первый и не единственный... Таких примеров у меня очень много. Все очень просто. Человек моментально доходит. Человек понимает, почему и отчего он это сделал. И делает так, что его не перехватить. Всё очень быстро доходит. Человек очень быстро учится. Когда его ставишь в экстремальные условия, у него прекрасно работает голова. Другой вопрос, что у нас сейчас никто не хочет ничего. А вы создайте нам условия, чтобы мы начали думать... Да иди ты лесом, дорогой! Тебя убьют в этом бою! И всё, и пусть тебя закопают! И ничего не будем создавать. Я лучше возьму вчерашнего шахтёра, который не будет задавать таких глупых вопросов, и он точно выживет. А тебя, продвинутого, застрелят завтра в первой же стычке! Туда тебе и дорога, если ты не хочешь включать свою голову! Естественный отбор иногда следует подталкивать, слишком длительно иногда. Я вот убеждался не раз, что из представителей продвинутой молодежи учиться не хочет просто никто. Именно... Они всё знают заранее. Что ты тогда сюда пришёл? Иди, вон, пиво попей на лужайке. И всё. Никаких проблем тебе не будет. А народ, который не отягощен подобными измышлениями, великолепно всё схватывает. Естественно, он и выживет в итоге, а не все эти «продвинутые товарищи». Причём я не говорю о войне... Нет. Мы же не учим людей воевать. Мы учим людей оставаться живыми. Это немножко разные вещи. И ты не обязательно должен кого-то убить, чтобы остаться живым. Ты просто не лезь туда, где тебя убьют, и ты останешься живой. Так вот с «продвинутым» это невозможно. У него на всё своё мнение. Он обязательно думает своё.

* * *

Один раз в Нижнем мы сидели у замечательного человека. Уже молодой, владелец автомобильных мастерских. Дом – полная чаша. Народу много. В основном воробьи стреляные, «дикие гуси». Хозяин постоянно ездил на Донбасс, хотя уже давно заработал все деньги. Ездил в окопы, на передок, в горящие места. И был один нюанс. Хозяин был без почек. Три дня в неделю ему делали гемодиализ. Так вот, он договаривался в Донецке о проведении процедур, а они многочасовые. И снова на фронт.

Я оглядывался вокруг – знакомые Конторовича: вот абхазцы, вот парни из Ичкерии, вот Юра с учениками. Кавказцы готовили изумительное мясо. Братство вольных людей, воюющих за Россию. В этом было что-то нереальное, сказочное. Привал разбойников. Бородатые, усатые, воины – покорители галактики. Рассуждали о том, как и кому сподручнее в разведке носить «калаш». Говорили исключительно на русском. Угощались на славу. Пили домашнее абхазское вино. Воспоминание на всю жизнь. Жаль. Сгорел этот дом.

* * *

Опять воспоминания Юры.

2018 год, Донбасс. Сидит девчонка, симпатичная, красивая, зовут Алёнка. Юра подходит. Завязался разговор.

Юра спрашивает:

– Ты в какой школе училась?

Девчонка называет город в Израиле.

– Каким образом туда-то попала?

– Живу там. Я гражданка Израиля.

– А тут чего делаешь?

– Как что? Донбасс защищаю.

Поклон и уважуха. Это из бригады «Призрак».

* * *

Но вернёмся в 2022 год.

Только Юра заснул, их подняли и увезли в другое место – в Новоандреевку. Потом под Угледар, в Павловку.

Затем была поставлена задача двумя «Горынычами» очистить два прохода в минных полях для наступления. «Змей Горыныч» – это оружие, установка разминирования УР-77 «Метеорит». Каждая УР-77 кидает тонну восемьсот килограмм взрывчатки. Бьют метров на пятьсот минимум. Подразделению Евстигнеева поручили организовать дымовую завесу.

«Горынычи» своё дело сделали, но наступать стали на другом участке, и много народа погибло. Павловку взяли.

Но после офицеры, противодействовавшие присвоению Юре офицерского звания, снова подняли вой: «Евстигнеев подрывает их авторитет перед подчинёнными, нарушает субординацию!»

А тут у Юры снова разболелись оперированные много раз ноги. Возникла возможность уйти. И Юра лёг на лечение в госпиталь в Питере. Оттуда возвратился в конце сентября в Нижний Новгород.

Эпилог

Как несовременно в нашем мире не заниматься высоким, интеллектуальным, модным, продвинутым бизнесом. Как глупо не думать о себе и своей семье. Да это просто безответственно. В разные времена юродивые занимались разными делами. В Средневековье они носили лохмотья, а то и щеголяли голышом. Голодали и болели. Некоторые носили врезавшиеся в тела железные неподъемные вериги. Времена меняются. Сейчас оборванцы в стразах тусуются в самых модных клубах вместе с узаконенными ворами. Но юродивые нашего времени не они. Юродивый, вопреки общему мнению, говорит правду, творит правду, бесстрашно, безоглядно. Он ничего не боится! Он любит Родину так органично, словно ничего другого не может и быть. И в наше время неорганизованные защитники Отечества, проповедующие сопротивление злу насилием, – это ЮРОДИВЫЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ! Это и Юра Евстигнеев, и прекрасный успешный писатель Александр Сергеевич Конторович, их мало, но, к нашему счастью, достаточно. Именно ими жива Россия.

А Юра? Юра опять на Донбассе.